

скую губ. Значение для русского рабочего движения Морозовской стачки, которой руководили сами рабочие и которая сопровождалась столкновением с войсками, было огромно. Она отразилась и на той стачечной волне, которая прокатилась почти по всей России в 1885 г. Практическим результатом стачки было издание в 1886 г. закона о штрафах, который являлся уступкой требованиям, предъявленным морозовскими рабочими. М. водворяется в Мезени, быстро научается столярному ремеслу, что ему весьма пригодились впоследствии при неоднократных ссылках, устраивает артельную мастерскую, где работают политические ссыльные. В 1889 г., по окончании срока ссылки, М. уехал в Челябинск, откуда опять был выслан на родину и, после долгих странствований, попал в Ростов на Дону. Здесь он вступает в соц.-дем. партию и ведет пропаганду среди местных рабочих. М. опять арестовывают, держат в тюрьме 7 мес. и отправляют в г. Вельск Волог. губ. В 1901 г., по окончании ссылки, М. уезжает в Донецкий бассейн. На донецких рудниках М. опять ведет усиленную пропаганду и работает там до 1908 г., все время преследуемый полицией и не прекращающий своей революционной работы. В 1916 г. М. опять играет руководящую роль в охватившей 30.000 человек Горловской забастовке. М. должен был опять скрываться вплоть до Февральской революции. В 1918 г. М. работает в Красной армии, вступает в РКП, живет затем на Кавказе, в Харькове, Москве и Орехово-Зуеве. Ум. 30 нояб. 1923 г., погребен в Орехово-Зуеве. (См. *Моисеевко, П. А.*, «Воспоминания (1873—1923)». Истпарт; *Давидов*, «Рабочий - революционер П. А. М.»).

Молотов, Вячеслав Михайлович (авто-ризованная биография), род. в феврале 1890 г. в дер. Кукарки Вятск. губ. Нолинского у. Настоящая фамилия Молотова—Скрябин. Он является одним из сыновей, третьим по счету, мещанина г. Нолинска—Михаила Скрябина. Родители отдавали много усилий и времени на то, чтобы предоставить возможность детям получить образование. Дети были отправлены в губернский город для поступления в школу. В Казани и получили образование братья. Вячеслав учился в реальном училище. Надо сказать, что очень характерна для семьи Скрябиных художественная черта. Вячеслав играл на скрипке и весьма недурно, с большой силой чувства и выразительностью.

Все братья Скрябины, живя дружно в одной комнатке, вращались к кругу

наиболее левое студенчества и вообще учащихся. Казань, в особенности в то время, была буквально переполнена лево настроенной интеллигенцией. Уезжая на лето домой в Нолинск, Скрябины и там встречали либо ту же революционно-настроенную разночинную интеллигенцию, либо административно-ссыльных политиков. Происходя сами из трудовой семьи, братья естественно мало по малу пропитывались теми идеями и настроениями, какие навевались им средой, где они вращались. Обыкновенно в средней школе революционные идеи прививались двум различным типам учащихся и соответственно этому двумя различными методами усваивались и осознавались. Во-первых, это были элементы, настроенные по озорному в отношении к начальству, по преимуществу „жители Камчатки“, т.-е. сидящие на последних партах, стреляющие в преподавателей горохом и пр. Юноши вольные и свободные, большею частью хорошие ребята, но не очень склонные к усвоению наук, они воспринимали революционные идеи, как нечто, что освобождало их от необходимости подчиняться преподавателям и прочей „челяди“ школьной, что освящало и оправдывало небрежное отношение к занятиям и пр. Ко второй категории относились ученики прилежные, из лучших по успехам, но не тупоприлежные, не т. наз. „зубрилы“, а прилежные по интересу к знанию, которое в скромном количестве все же давалось учащимся. У такой категории юношей революционные идеи вызывали к себе вдумчивое отношение и не только не отвлекали от научных занятий, но еще более развивали интерес к теоретической работе и будили умственную самостоятельность. Благодаря этому, занимаясь предметами лишь урывками, среди занятий такими научными дисциплинами, какие не преподавались в школе, учащийся все же делал и в области „казенного“ знания гораздо большие успехи. К такой категории учащихся и принадлежал Вячеслав

Впервые революционные идеи коснулись его в его родных „Нолях“, т.-е. Нолинске, в 1905 г. Достаточно назвать эту дату, чтоб стало понятно, что первые революционные прикосновения к душе 15-летнего мальчика произошли в тот момент, когда вся она была размягчена, открыта, приготовлена событиями. Красноречивее всех бесед и речей действовали тогда на учащихся простые сообщения о железнодорожной, а потом и о всеобщей забастовке, о деятельности питерского Совета рабочих депута-

МОЛОТОВ В. М.
(1890—1986).

В 1930—41 председатель СНК СССР. В 1941—57 1-й заместитель председателя СНК (Совмина) СССР, одновременно в 1941—1945 заместитель председателя ГКО, в 1939—49 и 1953—56 нарком, министр иностранных дел СССР. В 1957—60 посол СССР в МНР. В 20—30-х годах член Главной редакции 1-го издания Большой Советской Энциклопедии. Кандидат в члены Политбюро ЦК с 1921, с 1926 член Политбюро (Президиума) ЦК партии. В 1957 выведен из составов Президиума ЦК и ЦК партии. В 1962 исключен из партии, в 1984 восстановлен. С 1962 на пенсии.

тов, о запылавших помещичьих усадьбах в Самарской, Саратовской, Тамбовской, Пензенской губ. и т. д. Как раз в это время в Нолинске в ссылке жил Васнецов, брат известного художника. По словам самого М., именно Васнецов и был тем, от кого впервые он услышал не только комментарии всего совершающегося, но и прямо стал получать некоторые практические революционные поручения. Тот же Васнецов поставил перед молодым М. вопрос, кого считает он для себя более подходящим: меньшевиков или большевиков. Впрочем, этот же вопрос ставился и всей окружающей жизнью. Что касается действовавшей и гремевшей тогда партии соц.-револ., то о принадлежности к ней даже тогда у М. как то и не возникало вопроса, — м. б. потому, что случайно М. вращался в с.-д. среде, а, во-вторых, здесь имело значение и то обстоятельство, что М. был воспитанником реального училища. В то время и после можно было наблюдать такое явление, что гимназисты, люди т. наз. „классического“ образования, устремлялись к партии с.-р., а реалисты, б. ч. будущие инженеры, руководящие работники индустрии, примыкали преимущественно к с.-д. Учащиеся той категории, к которой по своему способу восприятия революционных идей принадлежал М., опять-таки распадались на две категории. Так как это были юноши научного интереса, вдумчивые и внимательные к мыслям, к теории, то иные из них — и весьма не малый процент их — революционные идеи воспринимали слишком абстрактно, по книжному. Маркс постигался только как ученый, а не как революционер. Его „Капитал“ читался только как теоретическая работа, а не как призыв к живому действию. Для таких „революционеров“ конспиративные кружки были, гл. обр., организациями для самообразования.

М. был в числе тех, которые, стремясь к научному познанию социального вопроса, не видели в революционных идеях только научно-познавательный интерес. Они чувствовали в этих идеях призыв к деятельности. К тому же конкретная обстановка складывалась так, что наряду с теоретическими занятиями приходилось уже работать и практически. Тот же самый Васнецов в Нолинске организовал группу боевиков для изготовления взрывчатых снарядов¹⁾. В этой группе был и М. Т. обр., для М. кружки самообразования были и революционной школой, и школой конспи-

рации, которая должна пригодиться еще надолго, и боевым отрядом, состоя в котором, надо учиться сражаться и на улице. В то время в революционной кружковой среде и в особенности в провинции было не мало скороспелых твердо-убежденных, которые у каждого выспрашивали, какой он партии и почему, какой он фракции внутри партии и почему, какого он мнения о последнем выпаде Мартова против Ленина или Плеханова против Мартынова и т. п. Такой вопрос сбивал с толку многих и многих, заставляя их торопиться как можно скорее решить, куда примкнуть. М. не смущали такие скороспелые домогательства. На них в течение всего бурного 1905 г. он отвечал неизменно: „Я еще не разобрался, к какой фракции с.-д. я принадлежу“. С таким ответом М. оставался в революционной среде едва ли не до половины 1906 г. И только в конце этого последнего симпатии М. начинают склоняться в сторону фракции большевиков. Отходили, разочаровывались люди старших поколений, но на смену им шел „свежих работников строй“, на подвиг и на смерть готовый“. И так как их революционная настроенность складывалась именно во времена дубасовские, треповские, столыпинские и Дурново, то выходцы этого молодого поколения были очень немногочисленны, за то по своим душевным качествам, по своей стойкости в последующей борьбе оказались куда крепче многих, примкнувших к революции в ее романтический период, в период, когда она была не на спаде, а на подъеме, в годы 1904 — 1905.

С осени 1906 г. М. работает в местной революционной организации средних и высших школ, именовавшей себя беспартийной. В этой организации едва ли не единственным настоящим, т.-е. уже самоопределившимся, большевиком был В. А. Тихомиров¹⁾. С ним и вступил в тесный и деловой блок М. Следствием этого получилось то, что т. наз. беспартийно-революционная организация являлась в сущности ареной, на которой состязались в идейной борьбе Тихомиров и М., с одной стороны, и многие члены этой организации и, гл. обр., лидеры с.-ров, находящиеся в организации, — с другой. Идеиные дискуссии были хорошим методом для выработки мирозерцания и укрепления в выработанном и для воспитания той идейной дис-

¹⁾ Был членом коллегии Наркомвнудел с 1917 по 1919 г., когда внезапная смерть сразила этого во многих отношениях замечательного товарища в Казани.

¹⁾ Так наз. „химическая“ группа.

циплины, которая потом остается на долгие годы. Эти дискуссии привели реально к тому, что многие с.-р'ы, находившиеся в организации, и даже их лидеры к концу 1907 г. перешли в лагерь марксистов и вместе с Тихомировым и М. вошли в состав РСДРП фракции большевиков.

В этой организации М., приобретая знания сам, учился тут же быть пропагандистом. Другой стороной была чистейшая практика. Для организации в тех условиях необходима была конспиративная техника, т.е. надо было иметь квартиру для собраний, способы сношения между различными кружками, скрытую где-то кассу и присущую ей спутницу — маленькую бухгалтерию. Помимо этого организация имела свою нелегальную библиотеку. Во всей этой конспиративной технике М. участвует самым живейшим образом, и, кроме того, надо было расширять численно организацию. Он устанавливает связь с елабужской организацией в лице Бажанова ¹⁾ и с пензенской организацией. Возникает идея создания Всеросс. революц. союза средних и высших школ, а для осуществления этого естественно необходим был созыв нелегального съезда. Одновременно организуется „печатание“ и выпускается первая первомайская прокламация, написанная М., что следует считать первым литературно-политич. выступлением М. Но особенно много проработал М. над составлением устава „Всеросс. революц. союза средних и высших школ“. М. был главным вдохновителем поднятия снова в 1909 г. силами нашей организации всей массы учащихся на борьбу с администрацией за старые лозунги школьной свободы, провозглашенные в 1905 г.

Не обошлось, разумеется, дело и без провокаторов. Как раз с того момента, когда соц.-демокр. часть организации, скрепившаяся вокруг Тихомирова и М., начала свою настоящую пропаганд. и идейную работу, т.е. в период с 1907 г. до 1909 г., в число членов организации проникли два провокатора. Весной, в марте, первым был арестован Тихомиров, за ним последовал через несколько дней М., а еще через несколько дней и многие другие члены этой организации.

Казанская тюрьма, в которой режим был еще такой, какой в столичных тюрьмах господствовал в 1905 г., т.е. весьма свободный, была настоящим университетом для всей той молодежи, какая была

туда посажена. М. в тюрьме отдается научным занятиям, при этом не замыкается только в рамки социальных наук. Естественно-исторические дисциплины, на ряду с продолжением занятий по политической экономии, истории революционного движения и т. п., привлекают его внимание.

Осенью М. был выслан (с другими товарищами) в Вологодск. губ. на два года. Все они являлись воспитанниками средних школ, за исключением Китаина, профессионала-партийца, и Тихомирова, который в это время был уже окончившим реальное училище. М., как и другие высланные реалисты, был посажен в тюрьму почти накануне выпускных экзаменов, он был в это время в последнем, седьмом, классе. М. направлен был вологодским губернатором Хвостовым в г. Тотьму. Там одной из забот М. было еще добиться через министерство разрешения держать экзамен за курс реального училища. Однако, едва только министерство разрешило М. держать экзамен за курс реального училища при вологодском реальном училище, и он вследствие этого разрешения был переведен из Тотьмы в Вологду, как начал немедленно налаживать связи с местными партийными кругами и прежде всего с рабочими. Этим обстоятельством экзамены как-то сразу оттеснились на задний план. Впрочем он их выдержал и по забывчивости полицейской организации остался жить в Вологде. Тут он развернул энергичную работу среди железнодорож. рабочих. Связь к ним он нашел через рабочих ссыльных, которые были связаны с мытищенскими рабочими, высланными из Моск. губ. и поселившимися в Вологде, где они работали, гл. обр., на железной дороге.

Под полицейским надзором, среди маленького городка, М. сумел совместно с другими товарищами, как, напр., с Мальцевым, наладить правильно действующую партийную организацию, провести несколько массовок под открытым небом за городом и, наконец, даже выпустить первомайскую прокламацию (1911 г.), автором которой был он совместно с другими. Эту прокламацию М. и ближайшие его два товарища расклеили сами за одну ночь по городу. Операция сошла совершенно безболезненно. Вскоре после того, 16-го июня ст.ст. 1911 г. М. кончает срок ссылки. К этому же времени окончил свой срок и Тихомиров, которому разрешено было ссылку заменить заграницей. Там Тихомиров видался с Лениным и, обладая со-

¹⁾ Ныне член президиума Госплана РСФСР.

ответственной материальной возможностью, вел с Владимиром Ильичом разговоры об издании в России легальной большев. газеты. Эти разговоры привели к тому, что, по инициативе Владимира Ильича, Тихомирнов присоединил свои материальные средства, свою энергию, знания к почину легального органа большевиков. Разумеется, Тихомирнов прежде всего обратился к М. и другим его сотоварищам. В 1911 г. устроено было под Саратовым совещание по вопросу об организации газеты. Это было как раз после конца ссылки М. Затем М. поехал в Петроград и поступил в Политехн. институт на экономич. отделение. Став там в ряды активных большевиков, он принял самое ближайшее участие в организующейся тогда газете, сначала „Звезде“, а затем и „Правде“. Работая в Петрограде, он не оставляет связи со своими прежними товарищами, использует все возможные связи для привлечения большего количества товарищей к моральному или материальному участию в начавшемся большом деле.

Вскоре по организации „Правды“ М. становится секретарем ее редакции. В то же время он работает нелегально и как член П. К. и как пропагандист и, наконец, он принимает самое активное участие в работе думской фракции. М. естественно участвует во всех самых злободневных обсуждениях вопросов, и он же сносится с заграничным центром и персонально с Владимиром Ильичом.

Такое положение заставляло его знакомиться ближе, вплотную с вопросами чисто государственными. Энергией, находчивостью, теоретической подготовленностью многих работников „Правды“, в том числе и М., можно объяснить тот теснейший контакт, который существовал между газетой и фракцией, с одной стороны, заграничным центром, с другой, и массой питерского, московского, владимирского, иваново-вознесенского и вообще обще-российского пролетариата, с третьей стороны.

К этому же времени относятся первые литерат. выступления М. Первая статья его была помещена в „Правде“ за подписью „Аким П-та“, что должно было означать „Аким Простота“—одна из кличек, под которой был известен тогдашний М. След. свои статьи в „Правде“ С. подписывает б. ч. „В. Михайлов“. В литературе впервые под именем „Молотова“ он выступает в своей брошюре, вышедшей в 1919 г. в Питере: „Как рабочие учатся строить свое хозяйство“.

В 1913 г. М. приходят арестовать в редакцию. Он выпрыгивает в окно

и убегает. Переходит на нелегальное положение, не прекращая революционной работы среди петерб. пролетариата.

Когда в Питере становится трудно жить нелегально, он перебирается на революц. работу в Москву. Москва, как стало это доподлинно только теперь известно, была городом провокаторов (тогда мы об этом могли только лишь догадываться). Немудрено, что здесь, по предательству провокатора, М. кончает свои вольные дни и снова садится в тюрьму. Для внутренней жизни М. это означало переход от практической работы к теоретич. занятиям. Правда, что последовавшее вскоре распоряжение о ссылке в Иркутскую губ. прервало книжные занятия. На этот раз этапом, в самых неблагоприятных условиях, отправляется он в Сибирь. Там его направляют в дер. Манзурку. В этой ссылке М. встречается с новыми товарищами—Лацисом, Пылаевым и др. Вместе с ними он обсуждает вопрос о возможности создания в России уже нелегального органа большевиков. Для осуществления этой идеи и продолжения революционной борьбы он бежит из Манзурки и попадает прежде всего в Казань. Там он находит себе убежище на даче под Казанью, в местечке, известном под именем Чукашовка, у того же В. А. Тихомирнова, вместе с которым, а также и с другими своими прежними товарищами, обсуждает вопрос о восстановлении разгромленных большев. организаций и о создании нелегальной газеты.

Осенью 1915 г. направляется он вместе с Тихомирновым опять в Петербург, и там они организуют группу, которая наименовала себя „большевистской группой 1915 г.“. В нее входили: Бокий, Бажанов, Аросев и др. товарищи. Главной заботой этой группы было создание такого постоянно действующего организац. ядра, где бы не было провокаторов. Поэтому в эту группу могли входить только такие товарищи, в отношении вхождения которых в группу должно было быть полное единогласие. Эта же группа приняла меры к тому, чтобы поставить дело нелегальной газеты. Однако, с чрезвычайным усилением правительств. репрессий кружок рассыпался. М. начал восстанавливать связь. Почти всех удалось разыскать и от каждого заручиться помощью для организации газеты. Пылаев и т. Эмма,—все бежавшие из ссылки, приготавливались сестра в нелегальную типографию и начать печатание газеты. В конце 1916 г. из-за границы, как агент Ц. К., приехал Шляпников. В Питере составилось бюро Ц. К., куда вошел

членом и М. Питерская организация, в которой участвовал активнейшим образом М., развертывала свою деятельность все шире и шире.

Революция 1917 года застала М., как и многих других его товарищей, наготове. В Октябрьские дни он становится членом Питерского Военно-Революц. комитета.

После установления советской власти он работает как председатель совета нар. хозяйства петрогр. района. В 1919 г. ЦКРКП направляет его в Нижний Новгород, где он становится председ. губ. исполкома. Из Нижнего-Новгорода он переходит на работу в Донбасс в качестве секретаря губком'а. Затем на Всеукр. парт. конференцию в 1920 г. избирается секрет. ЦК Украинской Коммунист. партии. В 1921 г. он едет делегатом на Всеросс. съезд партии. И тут по предложению Ленина избирается членом и секретарем ЦКРКП.

А. Аросев.

Муралов, Николай Иванович (автобиография). Род. в 1877 г. близ г. Таганрога (хутора «Роты») на хуторе, сын хуторянина—мещанина. С детских лет и до 17-летнего возраста помогал в работах своему отцу (пахал, бороновал, косил, молотил и пр.). Зимой учился грамоте (отец начал обучать грамоте с 6-летнего возраста). Отец, Иван Анастасевич, был культурный человек—окончил 6 классов классической гимназии, во время Крымской кампании вступил волонтером в войска, сражался под Балаклавой, за храбрость, проявленную в боях, был награжден орденом Георгия 4 степени, вскоре попал в плен к англичанам, у которых (в г. Плимуте) пробыл 2 года, познакомился с Герценом, сделался его поклонником, по возвращении в Россию получал «Колокол». Отец был очень начитанный человек. Потеряв зрение, заставлял читать вслух всякую литературу, беллетристику, историю, философию, научную, естественно-научную и пр. На 17 году М. поехал учиться, выдержал экзамен во второй класс сельскохозяйственной школы, которую окончил на 20 году, вернулся к отцу, который вскоре умер. Поступил на практику в имение помещика Плохово в Тамбовский уезд в селе Знаменка. Пробыл там сезон, разругался с помещиком (обвиняли в «панибратском» отношении к рабочим), поступил управляющим имением Мейен Московской губ. при с. Назарове. Пытался отбыть воинскую повинность в Москве, в гренадерском полку. Полк принял, как вольноопределяющегося, но всеильный Трепов не дал свидетельства о политической благо-

надежности. Полк пришлось оставить и ехать на родину в Таганрог отбывать повинность. Во время набора оказались «излишки», поэтому дали льготу, зачислив ратником ополчения 1 разряда. Уехал после этого (осень 1899 г.) на Кавказ в г. Майкоп, где управлял сначала винокуренным, а потом маслособойным заводом. В Майкопе участвовал в марксистском кружке (читал «Капитал», «Искру» и т. п.), в рабочем кружке, в воскресной школе. В начале 1902 г. приехал в Москву в отпуск, был арестован, просидел три месяца. Осенью того же года участвовал в марксистском кружке в г. Серпухове. Занимался земской статистикой и земским страхованием. В начале 1903 г. поступил помощником земского агронома в г. Подольск (Моск. губ.). Тогда же и там же вступил в партию РСДРП (б). В ноябре 1905 г. во время черносотенного погрома пробил себе путь с оружием в руках, бежал в Москву, где принимал участие в декабрьском восстании, после подавления которого (в январе 1906 г.) бежал на Дон, на хутора. Работал в донской организации, в таганрогском коллективе (смешанная организация, почти противоположенная—большевики и меньшевики), в котором ведал аграрными делами. Претерпел два обыска, затем был арестован, сидел в Таганрогской, а потом в Новоиколаевской тюрьмах, после выхода из тюрьмы уехал опять в Москву, затем переехал в Тульскую губ. и в 1907 году поступил управляющим имением. В селе Подмокловое вместе с другими товарищами открыл народную чайную под флагом «Общества трезвости», где печатались прокламации для серпуховской организации, распространялась нелегальная литература, читались лекции по агрономии, рабочему движению и пр. Во время империалистической войны мобилизован в 215 пехотный полк, затем из полка переведен в Автороту, в которой и застала Февральская революция. Организовал вместе с другими товарищами солдатскую секцию Московского Совета. В Октябрьские дни был членом Московского Военно-Революционного комитета и членом Революционного Штаба. После победы над юнкерами был назначен командующим войсками Московского Военного округа. 19 марта 1919 г. приехал в третью армию востфронта на должность члена РВС. В июле 1919 г. был назначен членом РВС востфронта, в августе того же года назначен членом РВС 12 армии, в августе 1920 г. назначен членом коллегии Наркомзема, 1 марта 1921 г. назначен командующим войсками Московского Военного округа, в мае 1924 г. назначен командую-

МУРАЛОВ Н. И.
(1877–1937).

С 1925 член ЦКК ВКП (б), в 1925–27 начальник военно-морской инспекции Наркомата РКИ СССР, одновременно ректор сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. В 1927 выведен из ЦКК, исключен из партии. С 1928 в Сибири на хозяйственной работе. Необоснованно репрессирован. В 1937 по делу «Параллельного антисоветского троцкистского центра» приговорен к расстрелу. Реабилитирован посмертно.